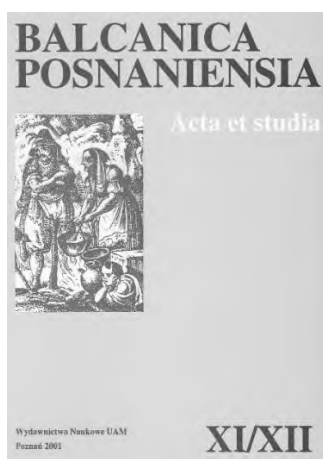

Сосна Владимир, *Национальные группы крестьян в Беларуси в первой половине XIX век, „Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia” 2001, т. 11–12, с. 83–90.*

<https://doi.org/10.14746/bp.2001.11-12.9>

<https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/52614>

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

<http://bch.amu.edu.pl>

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych”. Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM”. Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.

<http://bch.amu.edu.pl>

The task was carried out within the framework of the competition “Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries”. The project entitled “Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University”. The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024). Total value of the project: PLN 247,236.00. Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIwersYTET
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Społeczna
Odpowiedzialność
Nauki II

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КРЕСТЬЯН В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ВЛАДИМИР СОСНА

ABSTRACT. Sosna Vladimir, *Национальные группы крестьян в Беларуси в первой половине XIX века* (National groups of peasants in Byelorussia in the first half of the 19th century). Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XI/XII, Poznań 2001. Adam Mickiewicz University Press, pp. 83-90. ISBN 83-232-1078-0, ISSN 0239-4278. Text in Russian.

Wladimir Sosna, Беларусь-Минск.

В период от разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) до отмены крепостного права (реформы 1861 г.) сельское население Беларуси делилось на целый ряд разрядов и групп, и не только по сословным, но и этнически-религиозным признакам, что придавало белорусской деревне своеобразный, отличный от других регионов Российской империи национальный колорит, было предметом особых забот царских властей. Причем, нередко национальные или религиозные отличия обуславливали особенности и в юридическом статусе этих групп крестьянства.

Наиболее многонациональную категорию сельского населения тогдашней Беларуси представляли собой „вольные” люди, которые пользовались личной свободой и были известны еще с XVI в. Эта категория пополнялась беглыми крестьянами, военно-служилым людом, иностранными выходцами и всеми, кто так или иначе избавляется от крепостной зависимости или прибывал с территорий других государств. Большинство „вольных” людей, по сведениям ревизии 1795 г. находилось на западе Беларуси и особенно в Литве: Слонимская губерния – 11833, Виленская губерния – 105251 душ мужского пола¹.

Немногие из вольных людей имели собственную землю, основная масса пользовалась участками по договорам с землевладельцами, за что вносила чинш, реже – отбывала барщинную повинность, платила значительную, большую, чем крепостные, государственную подать. Множество тяжб породило стремление помещиков закрепить „вольных” людей, в связи с

¹ L. Żytkowicz, *Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–97*, Wilno 1938, s. 323.

чем количество их сокращалось. Стремясь ослабить нарастание социальных противоречий в деревне и отстаивая финансовые интересы, правительство предпринимало попытки „разбора” „вольных” людей. По указу 23 сентября 1840 г. „вольные” люди, поселившиеся на казенной земле, вводились в состав сельских обществ государственных крестьян и сравнивались с ними в платеже подати и чинша. Закон 23 мая 1847 г. передавал в ведение Министерства государственных имуществ „вольных” людей, имевших собственные земли. Что же касается „вольных” людей, проживавших на помещичьих землях, то правительство не решилось пойти дальше „устройства” их „добровольных отношений” с помещиками².

Колонистами или иностранными поселенцами назывались те из иностранцев, которые поселились на казенных, частновладельческих или приобретенных покупкою землях. Хотя основные законодательные и практические мероприятия царского правительства по этому вопросу направлялись на заселение многоземельного юга империи, тем не менее, при наличии свободных земель, разрешалось принимать иностранцев и в белорусских губерниях³. Сначала многих из них зачислили в состав „вольных” людей, но в 1826 г. по распоряжению министра финансов установили одинаковое со всеми крестьянами податное обложение. В течение первых десяти лет колонисты освобождались от уплаты податей и не несли рекрутской повинности. Им предоставлялось право первоочередного решения дел в судах, но категорически запрещалось владеть населенными имениями. В составе Экспедиции государственного хозяйства 1797–1803 гг. существовала специальная „контора опекунства иностранных”.

После передачи в 1837 г. иностранных поселенцев из Министерства внутренних дел в ведение Министерства государственных имуществ были собраны сведения об этом разряде населения. По представленным данным, „выходцы из Пруссии и других немецких государств” проживали в Минском уезде – 63 (с 1781 и 1792 гг., на собственной и арендованной земле), Брестском – 1097 (с 1662 г., на земле, дарованной в 1717 г. Радзивиллом, колонии Нейбров и Нейдорф), Пружанском – 97 (с 1809 г., на казенной земле имения Масево) ревизских душ. Одна немецкая семья поселилась (с 1835 г.) на помещичьей земле в Речицком уезде, вторая (с 1812 г.) – в казенном имении Илья Вилейского уезда, семья итальянцев (с 1837 г.) – на арендуемой земле возле города Ошмяны. Вместе с сельским хозяйством они успешно занимались различными ремеслами, особенно столярным⁴.

² См. подробнее: В. А. Сосна, *Формирование „вольных” людей западных губерний и слияние их с основной массой крестьянства*, Вопросы истории Европейского севера, Петрозаводск 1991, с. 30–38.

³ Полное собрание законов Российской империи, 1-е собр. (далее – ПСЗ-1), т. XXII, № 16196, т. XXVIII, № 21163; Журналы Комитета министров, т. I, Санкт-Петербург 1888, с. 98.

⁴ Российский государственный исторический архив в С.-Петербурге (далее – РГИА), ф. 384, оп. I, д. 17, лл. 6–7, 21–24, 117, 135–136, 242–244.

Царским властям в Беларуси приходилось иметь дело и с **русскими старообрядцами**, которые убежали сюда от религиозных преследований во времена Речи Посполитой. Они арендовали землю у феодалов за оброк и на протяжении всей первой половины XIX в. с переменным успехом вели борьбу против закрепощения землевладельцами. Указом 9 апреля 1806 г. старообрядцам, имевшим письменные договора с помещиками или владельцами староств, подтверждалась „вольность”⁵. На рубеже XVIII–XIX столетий „людей российских в разных местах поселившихся” (пилипонов) числилось, например, в Завилейском уезде 1591, Браславском – 2161, Лидском – 3⁶, в Минской губернии пилипонов было 1951⁷. Жили они замкнуто, сохраняя свою веру, русский язык, обычаи, были устойчивы к ассимиляции. Здесь власти относились к старообрядцам значительно мягче, чем в коренной России, даже считали их в некоторой степени фактором „обрусевания края” и противовесом польско-католическому влиянию.

Царское правительство делало попытки посадить на землю и „окрестьянить” часть таких специфических национальных меньшинств Беларуси, как еврейская, татарская и цыганская.

После осуществления многочисленных проектов, законодательных и практических мероприятий по отношению к еврейскому населению, правительство пришло к изданию 13 апреля 1835 г., впоследствии дополненного и действовавшего до 1866 г., закона об образовании еврейских земледельческих колоний. Основная масса еврейского населения, проживавшая в городах и местечках получила возможность селиться по договорам на казенной и помещичьей земле или приобретать землю путем покупки. Положением Комитета Министров от 25 марта 1841 г. евреи-земледельцы, поселенные на казенных землях, определялись в ведение Министерства государственных имуществ, занимавшегося управлением государственными крестьянами. Для этого предполагалось отведение казенных земель в южных (Екатеринославской, Таврической, Херсонской) и западных губерниях Российской империи.

Несмотря на желание безработной еврейской бедноты воспользоваться новыми постановлениями для улучшения своего положения, масштабы и темпы осуществления их были невелики. Всего на 1856 г. (с учетом поселенных в южных губерниях) по ведомству Министерства госимуществ числилось 28 338 евреев-земледельцев мужского пола⁸. В 1866 г. **евреев-земледельцев** на казенных землях состояло по губерниям: Виленской – 1128, Витебской – 643, Гродненской – 814, Минской – 571, Могилевской –

⁵ ИСЗ-1, т. XXIX, № 22085; *Архив Государственного совета*, т. 3, ч. 1, Санкт-Петербург 1878, стб. 797-798.

⁶ Российский государственный архив древних актов в Москве (далее – РГАДА), ф. 11, д. 968, л. 65.

⁷ *Архив Государственного совета*, т. 4, ч. 1, Санкт-Петербург 1892, стб. 545.

⁸ *Извлечение из отчета министра государственных имуществ за 1856 год*, Санкт-Петербург 1858, Приложение № 5.

719 ревизских душ, хотя в действительности проживало их на местах поселения немногим более половины⁹.

Анализируя причины неудач в организации еврейских земледельческих колоний, минский губернатор писал в отчете за 1839 г., что „все этого рода поселения состояются из самобеднейших семей, которые, лишаясь всех средств к содержанию своему в городах и местечках, решаются по необходимости взяться за плуг, чтобы при первой однако возможности возвратиться в мещанское сословие”¹⁰. Официальные лица уходя от ответственности за промахи в организации поселений, постоянно ссылались на якобы прирожденную неспособность еврейского населения к земледелию. „Но все это решительно не верно, – возражал чиновник С.Т. Славутинский, служивший в мировых крестьянских учреждениях Ковенской губернии. – Я сам видал евреев-земледельцев в Виленском уезде, пашущих и обрабатывающих свои земли не хуже настоящих тамошних крестьян”¹¹.

Интересную заметку об одной еврейской колонии в Ошмянском уезде Виленской губернии сделал в своем дорожном дневнике 1856 г. известный польско-белорусский литератор Владислав Сырокомля. Ему бросилась „в глаза деревня, не похожая на другие: дома аккуратные, выстроились под шнур, как солдаты, такие же аккуратные ворота и заборы, на отшибе за домами вытянулись так же ровнехонько, один за другим, сараи... Ведь это колония евреев-земледельцев, которых в количестве двадцати пяти семей поселило здесь правительство. Как видно, колонистам понравилось земледелие. На улицах не увидишь грязи, шума да гама, как в еврейских местечках, за деревней работают с сохами да боровами люди...”¹² Понятно, что такая идиллия была не везде.

Чтобы превратить недавнего мелкого торговца и ремесленника в крепкого хлебороба, нужны были сильная финансовая помощь, серьезное агрономическое руководство и вообще заинтересованность государства в расширении слоя свободных крестьян. Всего этого, несмотря на систему отдельных мер и льгот, явно не доставало.

Поселения **татар** на землях Великого княжества Литовского начали возникать с XIV ст. Основной обязанностью большинства их было несение военной службы, за что получали землю и подтвержденные в многочисленных привилегиях права шляхетства. Татарские полки приняли участие в восстании Костюшко, что вынудило императрицу Екатерину II рескриптом от 30 октября 1794 г. утвердить татар „в их собственности и преимуществах”¹³.

⁹ В. П. Никитин, *Еврейские поселения северо- и юго-западных губерний*, Санкт-Петербург 1894, с. 175-194.

¹⁰ Государственный исторический архив Литвы (далее – ГИА), ф. 378, 1840 г., д. 1374, л. 3.

¹¹ Русский вестник, т. 142, 1879, № 8, с. 784.

¹² У. Сырокомля, *Добрыя весці*, Минск 1993, с. 430.

¹³ РСЗ-I, т. XXIII, № 17264.

Сведения о количестве татар крайне скудны и несопоставимы. По имеющимся данным, их было в Виленской и Гродненской губерниях (1802 г.) – 1172¹⁴, Минской (V ревизия – 1795 г.) – 288 душ мужского пола¹⁵. Через 40 лет отчеты губернаторов показывают в Гродненской – 875 ревизских¹⁶ и в Минской – 325 обоего пола душ¹⁷. В документах встречаются упоминания о наличии татар и в восточной Беларуси. Как свидетельствовал А. Мухлинский, татары этих губерний делились на три класса: 1) владельцы имений с крестьянами; 2) оседлые в татарских колониях или поселениях; 3) проживающие в городах и местечках. Главным занятием жителей татарских колоний было земледелие¹⁸.

Привилегированная верхушка татар, владевшая населенными имениями, к 40-м годам выпросила подтверждение своих прав и сливалась с массой господствующего сословия. Часть татар, добивавшаяся вначале создания „войск на их прежнем основании“, была принята, на военную и гражданскую службу. Основная же масса оставалась на положении чиншевой шляхты, которую наравне с последней помещики начали „вписывать в ревизские сказки“. С жалобами на это обращались, например, в 1811 г. некоторые татары Виленской губернии. Комитет Министров, рассматривавший этот вопрос, решил пока что сохранить их прежние привилегии, как дворян, но внести в ревизию отдельной статьей, без уплаты податей¹⁹. Тем не менее, уже по манифесту от 18 декабря 1811 г. они оказались обложенными вместо подымной подати подушным и оброчным сбором в размере 11 рублей с души; VII ревизия (1816 г.) зафиксировала включенных в оклад татар Виленской губернии количеством 98 душ²⁰.

Министр финансов Д. А. Гурьев утвердил в 1820 г. разбор татар, чтобы „тех, которые таковых (о дворянстве – В.С.) доказательств не представят и занимаются ремеслами, дворянству неприличными, обложить подушными и оброчными податями наравне с казенными поселянами“. Однако разбор затягивался, татары упорно сопротивлялись переходу в крестьянское сословие. На основании резолюции по этому делу великого князя Константина Павловича, Сенат 10 сентября 1830 г. издал указ о зачислении недоказавших дворянства в „вольные“ люди, предоставляя при этом право доказательства дворянства в дальнейшем²¹. Таких татар оказалось сравнительно немного: например, по Гродненской губернии 11 душ мужского

¹⁴ ГИА Литвы, ф. 378, 1802 г., д. 145, л. 29.

¹⁵ РГИА, ф. 571, оп. 9, д. 8, лл. 87-89.

¹⁶ *Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов*, т. 3, Минск 1961, с. 268.

¹⁷ ГИА Литвы, ф. 378, 1845 г., д. 1987, л. 42.

¹⁸ А. Мухлинский, *Исследование о происхождении и состоянии Литовских татар*, Санкт-Петербург 1857, с. 46-47.

¹⁹ *Журналы Комитета министров*, т. 2, Санкт-Петербург 1891, с. 284.

²⁰ ГИА Литвы, ф. 378, 1813 г., д. 274, лл. 199-200.

²¹ Там же, лл. 63, 155-164, 205-208.

пола; остальные 220 человек были признаны в дворянском звании. 1 ноября 1832 г. Комитет по делам западных губерний, в ответ на жалобы татар, учитывая их непричастность к восстанию 1830–1831 гг., остановил практические действия по отношению к ним до окончания разбора всей шляхты²².

Таким образом, среди татар появились, хотя и в малом числе, частновладельческие и государственные крестьяне.

Несмотря на законы Речи Посполитой, предписывавшие недопущение и выдворение **цыган** из государства, они „во времена смутные” проникали на территорию Беларуси и уже в XVIII ст. пользовались разрешением Радзивиллов на свободную торговлю вокруг Мира и Несвижа. Российское правительство сразу же стремилось определить цыган в существующие тогда сословия, записывая их и в состав крестьян. Так, по ведомостям казенных имений Полоцкой губернии 1792 г., в Витебской экономии числилось 114 цыган мужского пола²³. Однако изменить вековой образ жизни цыган было не просто. Перед войной 1812 г. их формально, применив законы о бродяжничестве, припасали к городам, но большинство преимущественно бедных цыган продолжало кочевать.

Министерство государственных имуществ предприняло энергичные усилия для „водворения оседлости бродячих цыган”. По указу от 13 марта 1839 г. были собраны, с согласия землевладельцев, сведения о приписанных к ним цыганах, которых поселили на землях казенных имений²⁴. В 1847 г. начали обращать в государственные крестьяне многих кочующих цыган как потерявших свои мещанские документы²⁵. По X ревизии (1856 г.) в составе государственных крестьян находилось цыган по губерниям: Виленской – 38, Витебской – 62, Гродненской – 31, Могилевской – 43²⁶. Они представляли собой наименее устойчивую категорию сельского населения. Упорное отстаивание цыганами привычного уклада жизни имело глубокую социальную подоплеку: желание избежать вхождения в сферу непосредственной эксплуатации крепостнического государства.

Во второй половине 30-х годов XIX ст. делалась попытка прямого переселения в Беларусь и Литву **русских православных крестьян**, которые, по мнению виленского генерал-губернатора Н. А. Долгорукова и поддержавшего его Западного комитета, принесли бы „с собою... наш язык, наши обычаи и приверженность русских к престолу”²⁷. В феврале 1836 г. правительство утвердило Положение о переселении русских крестьян в

²² Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, ф. 1, оп. 4, д. 809, лл. 6-8, 16.

²³ РГАДА, ф. 12, д. 216, л. 2.

²⁴ ГИА Литвы, ф. 378, 1840 г., д. 1374, л. 7.

²⁵ П. Шпилевский, *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*, Современник 1853, № 8, отд. II, с. 61.

²⁶ *Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ*, вып. 3, Санкт-Петербург 1861, с. 180-181.

²⁷ *Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі*, т. II, Минск 1940, с. 364.

Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии и в Белостокскую область. Среди государственных крестьян Калужской, Курской, Орловской и Псковской губерний был объявлен набор желающих на переселение в Беларусь и Литву. Несмотря на острое малоземелье, крестьяне, не доверяя властям и имея „самое невыгодное понятие о тамошнем крае”, отказывались переселяться. Вместо предполагаемых десяти тысяч душ набралось всего несколько сотен. В действительности переселилось немногим более 150 душ мужского пола.

Разбросанные мелкими группами по территории Беларуси и Литвы, русские крестьяне не могли долго сохранять свою самобытность и неизбежно растворялись в массе местного населения. Найти же „возможности водворения не менее, чем по 200 душ поселения с устройством греко-русской церкви”²⁸ оказалось не под силу местным властям, прежде всего ввиду малоземелья белорусского и литовского крестьянства. На первых порах переселенцы пользовались рядом преимуществ, в том числе 5-летней льготой от платежа податей и земских повинностей и освобождением на 10 лет от воинского постоя.

Таким образом, широко задуманная переселенческая кампания не принесла результатов. Остался неосуществленным и проект Долгорукова о поселении русских крестьян на границе с Пруссией в качестве таможенной стражи²⁹.

Проводя политику унификации, сближения различных разрядов и групп крестьянства, царское правительство имело целью и их денационализацию (русификацию), что отвечало бы нуждам укрепления своих позиций в крае, но эта тенденция проводилась осторожно и осмотрительно, с расчетом на отдаленную перспективу. Национальные категории должны были постепенно растворяться в белорусском этносе и русифицироваться вместе с ним.

GRUPY NARODOWOŚCIOWE CHŁOPÓW NA BIAŁORUSI W PIERWSZEJ POŁOWIE XIX WIEKU

Streszczenie

W okresie od rozbiorów Rzeczypospolitej (1772, 1793 i 1795) do uwolnienia chłopów od poddaństwa (reformy 1861 r.) ludność chłopska na Białorusi dzieliła się na cały szereg kategorii i grup, nie tylko według przynależności stanowej, ale również etniczno-religijnej, co nadawało wsi białoruskiej swoisty koloryt, odmienny od innych regionów Rzeczypospolitej. Często różnice narodowe albo religijne warunkowały różnice w statusie prawnym tych grup chłopstwa.

²⁸ РГИА, Ф. 384, оп. I, д. 193, лл. 320-322, 418.

²⁹ Московские ведомости 1867, февраль, № 32.

W powyższym artykule przedstawiono społeczno-prawną i ilościową charakterystykę takich kategorii ludności chłopskiej, jak ludzie „wolni” (najbardziej różnorodna etnicznie spośród wszystkich grup stanowych chłopów), koloniści przybyli z zagranicy, rosyjscy staroobrzędowcy, Żydzi-rolnicy, Tatarzy, Cyganie. Pokazano też politykę rządu rosyjskiego w stosunku do nich, a także politykę przesiedlania na Białoruś rosyjskich chłopów prawosławnych.

Prowadząc politykę unifikacji, niwelowania różnych kategorii i grup chłopów, rząd carski miał na celu także ich denacjonalizację (rusyfikację), co związane było z dążeniem do umocnienia jego pozycji w kraju. Ta tendencja była jednak realizowana ostrożnie, uważnie, z obliczeniem na daleką perspektywę. Różne kategorie etniczne miały stopniowo roztopiać się w etnosie białoruskim i rusyfikować się razem z nim.